

И. Лапшин

Вселенское чувство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
И11

И11 **И. Лапшин**
Вселенское чувство / И. Лапшин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 91 с.

ISBN 978-5-458-54920-2

ISBN 978-5-458-54920-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тура ¹⁾—*apex mentis*, συντέρεσις, *Жанъ де-ла-Круа*—*buclio de espiritu, i-жа Гюйонъ*—*jouissance du centre*, *Франсуа*—*sainte indifference* ²⁾, *Жеромъ Грацианъ*—*contacto de la divinidad*, *Николай Кребсз*—*comprehentia incomprehensibilis* ³⁾. Я приведу здѣсь цѣликомъ описаніе этого душевнаго состоянія у перваго изъ поименованныхъ мистиковъ, такъ какъ это описаніе мнѣ кажется особенно типичнымъ. Плотинъ даетъ слѣдующее великолѣпное описаніе мистическаго экстаза: «Такъ какъ въ моментъ лицезрѣнія Бога исчезаетъ всякая двойственность, такъ какъ созерцающіи духъ отождествляется до такой степени съ созерцаемымъ, что, собственно говоря, не созерцаетъ его, а сливается съ нимъ воедино, то понятно, что лишь тотъ можетъ сохранить въ себѣ образъ Бога, кто можетъ сохранить цѣлымъ воспоминаніе о томъ, какимъ самъ онъ былъ во время лицезрѣнія Божія; бываетъ же самъ онъ тогда въ состояніи такого объединенія, сосредоточенія, въ которомъ не сознаетъ никакого различія ни въ себѣ самомъ, ни по отношенію ко всему другому; въ этомъ экзальтированномъ его состояніи никакая душевная дѣятельность не проявляетъ себя—ни гнѣвъ, ни пожеланіе, ни разсудокъ, ни даже мышленіе; можно сказать, что онъ и самъ тутъ весь какъ бы исчезаетъ, ибо,

---

¹⁾ «Extasis est deserto exteriore homine sui ipsius supra se voluptuosa quaedam elevatio ad superintellectualem divini amoris fontem».

²⁾ Онъ различаетъ въ экстазѣ слѣдующія ступени: 1) созерцаніе, *recueillement amoureux*, 3) *sainte quietude*, 4) *escoulement et liquefaction de l'âme en Dieu* и 5) полное поглощеніе души Богомъ—*sainte indifference* («*Traité de l'amour en Dieu*», 1616) См. Luthardt: «*Geschichte der Christlichen Ethik*», 1893.

³⁾ См. Récéjac: «*Essai sur les fondements de la connaissance mystique*», 1897, p. 58. Также Rousselot: «*Les mystiques espagnols*», 1887.

восхищенный и изступленный, очутившись въ полномъ уединеніи ото всего и въ совершенной тишинѣ, погружившись всецѣло въ глубину собственнаго существа, не обращая вниманія ни на что другое, даже на самого себя. онъ словно столбснѣтъ, весь обращается въ полный чистый покой; даже ничто прекрасное не привлекаетъ его въ то время, какъ духъ его воспаряетъ выше самой красоты, выше всего сонма добродѣтелей, подобно тому, какъ проникшій во внутреннее святилище оставляетъ позади себя статуи, стоящія въ храмѣ, какъ такіе предметы, которые предстанутъ первыми его взору уже послѣ того, какъ онъ узрѣлъ сокровенное святая святыхъ и наслаждался общеніемъ не съ образомъ или изваяніемъ, которому принадлежитъ лишь второстепенное значеніе, а съ самимъ Божествомъ. Собственно говоря, слова: «созерцаніе», «зрѣлище» (θεωρημα, θεωρα) не выражаютъ вполне (характера этого состоянія души въ общеніи съ Богомъ), ибо это есть скорѣе всего экстазъ, превращеніе себя въ нѣчто совершенно простое и чистое, *примивъ силы*, жажду тѣснѣйшаго единенія, напряженіе ума въ стремленіи къ возможно полному сліянію съ тѣмъ, котораго желательно зрѣть во святая святыхъ единенія, а въ концѣ-концовъ полнѣйшее успокоеніе, а кто рассчитываетъ какъ-либо иначе узрѣть Бога, тотъ едва ли успѣетъ достигнуть общенія съ нимъ» ¹⁾).

Ямвлихъ «совѣтуетъ часто сосредоточивать въ единство множественность нашихъ мыслей, возвращать къ центру то, что излучается къ периферіи, и приближаться въ

---

¹⁾ Bibliotheca scriptorum graecorum: Plotini Enneades, Enneadis VI, liber IX, ll. 1855, изд. Didot, стр. 539-я. Цитата приведена изъ русскаго перевода проф. Малеванскаго: «Вѣра и Разумъ». 1900, филос. отд., ч. II-я, стр. 419—20: «Избранные трактаты Плотина».

этомъ состояніи единства и разумѣнія къ тому, что едино и разумно, чтобы охватить его единою, великою, недѣлимую, умопостигаемой мыслію» ¹⁾).

*Прокл*ъ развиваетъ эту мысль слѣдующимъ образомъ: «Достигнувши научнаго познанія, оставимъ въ сторонѣ анализы, синтезы и различныя операціи дискурсивной мысли и направимъ нашу душу къ простымъ (непосредственнымъ) интуиціямъ интеллектуальной способности. Наука въ сущности не есть наивысшая степень познанія; надъ нею есть еще Интеллигенція: я не говорю здѣсь объ Интеллигенціи, отдѣленной отъ души (такова верховная Интеллигенція), но объ *озареніи*, которое душа получаетъ отъ послѣдней... Подобное повсюду познается подобнымъ: раціональныя вещи—разумомъ, интеллигибельныя — Интеллигенціей... Это высшій изъ нашихъ актовъ: черезъ него мы становимся вдохновенными, когда, избѣгнувъ всякой множественности, всецѣло предаваясь объединенію самихъ себя, мы становимся единствомъ и получаемъ форму Единаго» ²⁾).

Спрашивается, какъ понимать это *слиянiе субъекта съ объектомъ*? Его можно понимать или какъ состояніе сознанія, или какъ *абсолютно безсознательную* дѣятельность. Первое пониманіе сводится не къ реальному растворенію субъекта въ объектъ, но къ потерѣ возможности наблюдать за своимъ «я», то есть—къ *блаженному самозабвенію*, въ полномъ поглощеніи вниманія объектомъ созерцанія. Но мистицизмъ настаиваетъ на *реальномъ* отождествленіи субъекта съ объектомъ, то есть—на полной безсознательности. О безсознательности же можно говорить, имѣя

---

¹⁾ Plotin: «Enneades», trad. par Bouillier, II, 640.

²⁾ Ibid, II, 641. Подобное же описаніе мистическаго воспріятія у Порфирія, см. ibid. стр. 622.

въ виду или абсолютно безсознательныя психическія состоянія, или перерывъ въ сознаніи, то есть временное отсутствіе его и существованіе взаѣмнъ его однихъ физиологическихъ процессовъ. Однако послѣднее пониманіе несовмѣстимо съ мистицизмомъ, ибо онъ характеризуетъ экстазъ, какъ *блаженное* состояніе души, а не какъ движеніе частицъ матеріи. Слѣдовательно, здѣсь надо допустить *абсолютно безсознательныя психическія состоянія* вслѣдствіе полного *растворенія* индивидуальнаго сознанія въ высшей Интеллигенціи, въ Абсолютѣ. А такія состоянія допущены быть не могутъ, потому что это выраженіе, понимаемое буквально, не имѣетъ никакого понятнаго смысла и въ настоящее время подвергнуто въ психологій вполнѣ заслуженному ostracismu. «Когда безсознательному представленію приписываютъ реальное существованіе, то въ такомъ случаѣ переступаютъ предѣлы его эмпирически дозволеннаго употребленія. Очевидно, при этомъ превращеніи образныхъ выраженій въ реальности участвовало все еще обычное въ психологій субстанціализированіе представленій. О какомъ-нибудь волевомъ дѣйствіи мы не употребимъ поверхностнаго выраженія, что оно исчезло изъ сознанія, коль скоро оно окончилось; или, коль скоро повторяется тотъ же самый волевой актъ, не скажемъ, что онъ возвращается въ сознаніе. Каждое единичное хотѣніе остается особымъ актомъ. Если оно возвращается, то оно должно возникать вновь, но ни въ какомъ случаѣ мы не допускаемъ, что оно продолжало существовать въ промежуточный періодъ какъ безсознательное хотѣніе. А такъ какъ представленія относятся къ предметамъ, то утверждается, что сами они—предметы, которые исчезаютъ и появляются, но никогда не перестаютъ существовать. Сравненіе сознанія со сче-

ной принимается здѣсь не только за образное выражение, но и за соотвѣтствующее самой дѣйствительности» (Вундтъ, «Система философій», пер. Водена, стр. 344-я. Также Штёррингъ: «Психопатологія etc», 1903, стр. 147).

На ряду съ указанной формой мистическаго экстаза, гдѣ мистикъ констатируетъ свое *реальное* отождествленіе съ Абсолютомъ, существуетъ созерцаніе Абсолюта, *не сопровождающееся сліяніемъ съ нимъ*, какъ низшая ступень того же душевнаго состоянія. Вотъ что справедливо замѣчаетъ по этому поводу англійскій психіатръ Маудсли: «Формы, въ которыхъ въ различныхъ странахъ въ различные эпохи сверхъестественное сообщалось различнымъ людямъ, могутъ быть въ грубыхъ чертахъ раздѣлены на три главныхъ класса: I) Видимое появленіе божества, или его вѣстника, ангела, который, при помощи видимыхъ знаковъ или членораздѣльной рѣчи, сообщаетъ лицу, пользующемуся благоволеніемъ, то, что ему надлежитъ вѣдать, при чемъ у каждаго народа вѣрнія его бога или боговъ соотвѣтствуютъ его чаяніямъ и отвѣчаютъ интеллектуальному уровню и моральнымъ стремленіямъ; II) таинственная и непреодолимая одержимость божествомъ индивидуума, который, будучи охваченъ сильнымъ психическимъ и тѣлеснымъ возбужденіемъ или погрузившись въ безсознательность по отношенію къ окружающему, подобную той, какая встрѣчается въ состояніи «транса», произноситъ безсознательно, или повинуваясь неудержимому импульсу, рядъ сентенцій, которыя иногда, въ силу своей совершенной непонятности и безсвязности, требовали поясненій со стороны спеціальнаго толкователя или пророка, чтобы быть понятыми, иногда же были достаточно связаны, чтобы въ послѣдствіи, будучи записаны, быть принятыми за высшее откровеніе; III) экзальтація

индивидуума, достигающая формы духовнаго экстаза, въ теченіе котораго онъ, будучи обособленъ отъ чувственныхъ вещей и внѣ себя, но *въ непосредственномъ общеніи съ божествомъ*, познаетъ сверхразумныя истины духовнаго міра, которыя совершенно недоступны для обычнаго познанія при помощи чувствъ и разсудка. При обзорѣ этихъ трехъ формъ сверхъестественнаго общенія сразу бросается въ глаза прогрессивное развитіе способовъ такого общенія въ смыслѣ прогрессирующей утонченности. Въ первыхъ двухъ способахъ общенія съ божествомъ ихъ грубый характеръ не вяжется съ утонченными воззрѣніями современной мысли на таковое. За исключеніями, встрѣчающимися въ непросвѣщенныхъ массахъ, въ малокультурныхъ странахъ или въ глуши провинціи, исключеніями, рѣдкость которыхъ лишь подтверждаетъ общее правило, лицо, которое вздумало бы утверждать, что оно видѣло божество или вѣстника божія, было бы скорѣе признано подходящимъ пациентомъ для психіатра, чѣмъ человекомъ, достойнымъ канонизированія въ качествѣ святого или вдохновеннаго пророка... Только третій видъ общенія съ богомъ, экстатическая интуиція божества, сохраняетъ жизненность среди просвѣщенныхъ людей въ культурныхъ странахъ» ¹⁾).

Гомперцъ въ превосходной маленькой статьѣ: «Нѣтъ вниманію мистиковъ» освѣщаетъ явленіе «слиянія субъекта съ объектомъ» съ нѣсколькихъ сторонъ. Во-первыхъ, по его мнѣнію, съ этимъ явленіемъ связанъ первичный фактъ сознанія *гносеологическаго порядка*, именно, переходъ отъ реалистической точки зрѣнія на міръ *къ идеалистической*.

---

¹⁾ «Natural causes and supernatural seemings», by Henry Maudsley, 1887, part III, Theopneusticism: the attainment of supernatural knowledge by divine inspiration, section 1. Ecstatic Intuition, p. 269—271.

Зарожденіе мысли, что *«міръ есть мое представленіе»*, можетъ быть, составляетъ опорный пунктъ для мнимаго «слиянія» субъекта съ объектомъ. Рядомъ съ этимъ фактомъ, Гомперцъ отмѣчаетъ въ мистическомъ экстазѣ первичный фактъ сознанія *этического* порядка, заключающійся въ слѣдующемъ: «чѣмъ шире у человѣка кругъ объектовъ, который ощущается имъ принадлежащимъ его «Я», тѣмъ интенсивнѣе будетъ переживаемое имъ *чувство мощи*. Но именно сфера принадлежащаго нашему «Я» сама по себѣ очень измѣнчива. Она можетъ ограничиваться крайне узкимъ кругомъ такихъ интересовъ, которые служатъ самосохраненію, а также и такими объектами, которые могутъ или удовлетворять этимъ интересамъ, или препятствовать ихъ осуществленію. Но эта же самая сфера можетъ расширяться безпредѣльно черезъ рядъ посредствующихъ ступеней, прежде всего черезъ «участіе» въ отдѣльных людяхъ и черезъ расширеніе въ сферахъ различнаго рода житейскихъ дѣятельностей; далѣе—черезъ возрастающій интересъ къ вопросамъ «общаго характера» и судьбамъ челоуѣчества, наконецъ, черезъ отождествленіе себя съ продуктами собственнаго творчества въ творческомъ процессѣ или съ неограниченнымъ кругомъ существъ въ любви. Чѣмъ ближе къ первой ступени этого рода стоитъ жизнь человѣка, тѣмъ болѣе «бѣдной» мы ее называемъ, тѣмъ зато болѣе «богатой», чѣмъ ближе стоитъ она къ послѣдней ступени ряда». Эти градаціи соотвѣтствуютъ степенямъ чувства силы и полноты: «...эти чувства вырастаютъ съ «расширеніемъ» нашего «Я» въ нѣчто «сверхъиндивидуальное» и умаляются въ нѣчто «личное» по мѣрѣ суженія нашего «Я». Вотъ потому то преодоленіе этого «личнаго» нашего «Я» связано съ «расширеніемъ» общечеловѣческаго чувства жизни, которое заяв-

ляетъ себя преимущественно въ качествѣ «вдохновителя» нашего сознанія» ¹⁾. Это явленіе имѣется налицо и въ вышеприведенномъ описаніи экстаза у Плотина, гдѣ говорится о *приливѣ силы*.

Итакъ, состояніе экстаза въ его высшей формѣ предполагаетъ, согласно мистикамъ, полное сліяніе субъекта съ объектомъ, такъ сказать, уничтоженіе или раствореніе одного въ другомъ. Такое сліяніе сопровождается непосредственно освобожденіемъ отъ пространственно-временныхъ условій, которыя чужды Абсолюту, какъ таковому; приобщаясь къ Абсолюту въ блаженномъ экстазѣ, мы преодолеваемъ пространственно-временныя преграды: всякая множественность, связанная съ пространствомъ и временемъ, исключила бы полное сліяніе съ единствомъ абсолютнаго.

II) «Было бы логично,—говоритъ Плотинъ,—измѣрять прошедшее, когда оцѣниваютъ время, относящееся къ тому, что уже не существуетъ, напримѣръ, къ покойникамъ; но было бы нелогично называть блаженство въ прошедшемъ большимъ блаженства въ настоящемъ, потому что это значило бы считать блаженство чѣмъ-то случайнымъ. Какъ бы ни было продолжительно время, предшествовавшее настоящему, единственное, что о немъ можно сказать,—это, что оно не существуетъ болѣе. Принимать въ расчетъ длительность, говоря о блаженствѣ, значило бы раздроблять то нѣчто, что едино въ настоящемъ. Вотъ почему по справедливости говорится, что время, образъ вѣчности, какъ бы стремится въ своемъ разсѣяніи уничтожить то, что въ ней неизмѣнно. Если

---

¹⁾ Пользуюсь любезно предоставленнымъ въ мое распоряженіе русскимъ переводомъ статьи Гомперца Е. Г. Форстенъ, печатающимся въ настоящее время.

отнять отъ вѣчности ея неизмѣняемость, то она, ставши пребывающей во времени, исчезнетъ, ибо она сохраняется именно въ силу этого постоянства и съ его прекращеніемъ перестаетъ существовать. А такъ какъ блаженство состоитъ въ благой жизни, то есть, въ той жизни, которая присуща бытію (ибо эта жизнь есть наилучшая), то она не должна быть измѣряема временемъ, но разсматриваема съ точки зрѣнія вѣчности. Въ вѣчности же нѣтъ ни «больше», ни «меньше», ни какой-либо «длины»: ея сущность исключаетъ понятія разстоянія и времени (τὸ ἀδιάστατον καὶ τὸ ὅν χρόνιον εἶναι). Посему не слѣдуетъ смѣшивать бытіе съ небытіемъ, вѣчность со временемъ, пребывающее во времени съ абсолютно вѣчнымъ, или распространять непротяженное (ὅδὲ παρατετέον το ἀδιάστατον)».

Такимъ образомъ, другая черта мистическаго воспріятія, указанная въ вышеприведенной цитатѣ изъ Плотина, это — *внѣвременность* экстаза. Эта черта представляетъ величайшій философскій интересъ, такъ какъ въ ней, можетъ быть, коренится столь часто высказывавшійся въ философiи взглядъ на *трансцендентную идеальность времени*. И мистики, и схоластики въ средневѣковой литературѣ сходятся въ томъ, что Богъ внѣвремененъ, и, соединяясь съ нимъ, мы погружаемся въ вѣчность. Эта мысль о временности явленій этого міра и внѣвременности потусторонняго міра, его пребыванія въ «*nunc stans et non movens*», — составляетъ освященную вѣками и традиціей привычку религіознаго мышленія и встрѣчается у мыслителей, лишь отчасти причастныхъ мистицизму. Такъ, напримѣръ, мы находимъ намеки на нее уже у *Парменида* и *Платона*. Въ «Тимей» въ миеологической формѣ описывается, какъ Деміургъ замышляетъ *создать время, «подобіе вѣчности»*.

По *Плотину* время первоначально не существовало для умопостигаемого: оно есть результат *процессии* универсальной души (Bouillier, III, 7, 10).

Августинъ говорить о происхожденіи времени слѣдующее: «Nec patiar quaestiones hominum, qui poenali morbo plus sitiunt quam capiunt et dicunt: Quid faciebat Deus antequam faceret coelum et terram, aut quid ei venit in mentem, ut aliquid faceret, quum antea nunquam aliquid fecerit? Da illis, Domine, bene cogitare, quid dicant, et invenire, quia non dicitur nunquam ubi non est tempus. Videant itaque, nullum tempus esse sine creatura, et desinant istam vanitatem loqui» («Confessiones», XI, 30).

Angelus Silesius говорить слѣдующее:

Man redt von Zeit und Ort, von Nun und Ewigkeit,
Was ist denn Zeit und Ort und Nun und Ewigkeit?

Der Mensch der macht die Zeit.

Hemmstu die Unruh nur, so ist die Zeit von hinnen.

Вотъ что пишетъ объ этомъ *Эккартъ*:

«Zeit ist das was sich wandelt und mannigfaltigt. Ewigkeit hält sich einfarb». «In der Ewigkeit ist nicht Zahl». «Zeit und Statt sind Stücke, Gott ist eins». «Ein jeglich geistlich Ding mag wohnen in dem andern.—Ein jeglicher Engel ist mit aller seiner Freude so vollkommen in jedem andern Engel als in sich selber». «Если бы мое лицо было вѣчно и находилось бы передъ зеркаломъ, то отражалось бы оно во времени, а само было бы вѣчно» ¹⁾.

«Гдѣ есть измѣненіе и смѣна, тамъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ человѣческій опытъ, существуетъ также страданіе и мука, тамъ находится убѣжище золь», какъ говорили древніе. Не ученый, но глубокомысленный *Яковъ*

---

¹⁾ Preger: «Geschichte der deutschen Mystik», B. I, 1872, S. 400.